

Глава 4

География – выбор

Российские проблемы расстояния и холода – последствия не одной лишь физической географии. Распределение российского населения – результат сознательной политики правительства. До Октябрьской революции поощрялась миграция на вновь присоединенные территории, строились военные аванпосты и города на приграничных землях империи. В советский период огромные массы людей перемещали за Уральские горы для того, чтобы заселить Сибирь и эксплуатировать ее ресурсы с пользой для государства. Освоение новых земель, советское промышленное и городское планирование и насильственная, а не естественная миграция сформировали сегодняшнюю Российскую Федерацию.

Со своим суровым климатом, гигантской территорией, большими расстояниями, Россия, по мнению Андрея Паршева, была обречена на частые низкие урожаи и высокие затраты на транспортировку сырья и готовой продукции. Но география – это не предначертание судьбы. Российская Федерация сегодня, в сущности, вовсе не та вчерашняя РСФСР в составе Советского Союза, Российская империя или средневековая Московия. Как и у большинства стран, размеры и протяженность России являются производной времени. Как говорилось в предыдущих главах, самый важный фактор, определяющий экономическое развитие, – не столько местоположение или размер территории страны, сколько то, где проживают люди в пределах этой территории и как они между собой связаны.

Распределение населения России от Калининграда до Владивостока представляет собой сравнительно новый феномен. Россия изначально формировалась путем завоевания территорий с последующей за этим миграцией туда и заселением, часто под непосредственным руководством самого государства. Широкомасштабное заселение Россией, например, Дальнего Востока стало возможным только после размежевания с Китаем в 1850-х годах и строительства Транссиба в 1890-х. Таков процесс территориального роста и последующего перебазирования населения в пределах данного географического пространства, сформировавший современную Россию, со всеми ее связанными с этим экономическими и политическими проблемами. Хотя физическое местоположение России за несколько веков, по существу, изменилось

незначительно, границы государства и распределение населения в пределах этих границ изменились весьма существенно, особенно за последнюю сотню лет.

Пять веков территориальной экспансии

Современная Россия берет свое начало от небольшого Московского княжества, которое образовалось в XV веке после освобождения от татаро-монгольского владычества. В течение последующих пяти веков его территория разрасталась большими темпами и расширилась особенно стремительно после того, как Москва распространила правление на крупный массив евразийских земель, не встретив на своем пути серьезных географических препятствий. Всякий раз, когда в процессе экспансии приходилось сталкиваться с интересами других сильных держав, Москва прибегала к войнам ради дальнейшого захвата территорий. В XVI столетии Москва вернула себе некоторые бывшие российские земли, отторгнутые у нее Литовским княжеством. За этим последовали военные экспедиции в Среднее Поволжье, на северное побережье Каспийского моря и к Кавказским горам. Крестьяне в поисках новых сельскохозяйственных угодий, отряды казаков, охотники в поисках лучших мест промысла ценного пушного зверя тоже шли за Урал и в Сибирь, доходя до реки Амур и Охотского моря на Дальнем Востоке. За ними следовало установление там правления Москвы. В XVII столетии по инициативе гетмана Богдана Хмельницкого с Москвой воссоединилась Украина.

В XVIII веке Петр Великий и Екатерина Великая прославились по всей Европе своим рвением к расширению границ. После победы над шведами в Северной войне 1700–1721 годов Петр I взял под свой контроль Балтийский регион, а спустя пять десятилетий границы его завоеваний были расширены Екатериной II. Она присоединила к России значительную часть польской территории, включая Варшаву, после того как ее поделили между собой бывшие союзники – монархи, правившие тогда в Пруссии и Австрии. Она потеснила еще и турков, распространив российское правление на северное побережье Черного моря, Крымский полуостров и окрестности Азовского моря. Затем Екатерина двинулась дальше в глубь северных отрогов Кавказских гор. Постепенно к России были присоединены земли современной Грузии, Армении и Азербайджана, отобранные у Османской и Персидской империй, а российская армия увязла в целой серии кавказских войн против народов одной из наиболее изолированных горных областей мира. В отрезке между

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

1550 и 1800 годами имперский аппетит России был столь велик, что она завоевывала в среднем по 35 000 квадратных километров территории в год (что сравнимо по площади с Нидерландами)¹.

В XIX столетии все еще оставалось немало территорий, которые России хотелось бы заполучить. Она отторгла Финляндию от Швеции, получив контроль над всем восточным побережьем Балтийского моря. В 60–90-х годах XIX века империя начала расширяться на юг и восток по евразийским степям и пустыням. Так она дошла до Средней Азии – региону с независимыми, но слабыми и малыми мусульманскими государствами под протекторатом Великобритании (Афганистан), для которой они служили буферной зоной перед ее колониальными владениями в Индии. В результате всех этих завоеваний к 1900 году Россия простиралась на запад от Москвы до Балтийского моря и до территорий вокруг Киева и Варшавы, на юг – до Черного моря вплоть до границ с Османской империей и Персией на Кавказе. Оттуда российские владения проходили, огибая Каспийское море, через Среднюю Азию и далее до границ с Афганистаном. Наконец, они простирались на восток через Уральские горы и Сибирь до Китая и Тихого океана. Установление контроля над тихоокеанским побережьем явилось последней фазой российской имперской экспансии*.

XX век стал беспокойным временем для российского государства, наполненным в территориальном плане приливами и отливами, вызванными сначала войной с Японией 1904–1905 годов, а затем Первой мировой войной и революциями. После падения российской монархии большевистское правительство старательно, по кусочкам, заново собирало воедино остатки империи, создавая новое государство – Союз Советских Социалистических Республик. Хотя он уже не включал в себя некоторые из прежних владений (Финляндию, Польшу и прибалтийские государства), СССР оставался самым большим по территории государством на земле. Вторая мировая война и поражение нацистской Германии позволили СССР продвинуться в сердце

* Одной из тех немногих территорий, с которой Российская империя рассталась, была Аляска. Российские поселенцы стали осваивать ее еще в 1784 году, после того как преодолели Берингов пролив. Аляска использовалась как база для создания российских торговых постов на американском Тихоокеанском северо-западе. Со временем они протянулись до более южных регионов вплоть до самого Сан-Франциско. Аляска была еще и стартовой площадкой для попыток создания торгового плацдарма на Гавайях в 1820 году, которые оказались неудачными. Наверное, это был уже перебор для государства, которое тогда обладало и без того обширными землями. Оно в конечном счете сочло Аляску слишком уж отдаленным регионом. В 1867 году Россия продала ее Соединенным Штатам за 8 миллионов долларов.

Европы. К 1953 году, году смерти Иосифа Сталина, который был таким же алчным до новых земель, как Петр и Екатерина II, почти все части российской имперской территории в той или иной форме были возвращены «в лоно свое». К тому же были созданы и государства-спутники. Советский Союз и социалистический блок после Второй мировой войны были самым большим достижением российской территориальной экспансии за всю ее историю*.

Чем же объясняется такая невероятная тяга к территориальному обладанию? Может быть, дело в бескрайних просторах евразийских степей, отсутствии географических препятствий для экспансии или в склонности России к захвату новых территорий? Было ли это завоеванием ради завоевания? Или за этим стоит нечто большее? Некоторые из объяснений, предлагаемых учеными, возвращают нас к коварному вопросу о влиянии географии – на этот раз в связи с местоположением Москвы, древней Московии XVI века, которое было бы слабо назвать малоподходящим. Московия располагалась на севере Евразии, в поясе лесов, – на северной окраине европейских пахотных земель.

Поход за плодородными землями

Российский историк Василий Ключевский², американский историк Ричард Пайпс (Richard Pipes) и британский историк Доминик Ливен (Dominic Lieven) пришли к выводу, что начиная с XVI и вплоть до начала XX столетия территориальная экспансия российского государства, которая представлялась такой хищнической, на самом деле была продиктована трудностями в осуществлении ши-

* После Второй мировой войны Польша вошла в сферу советского военного, политического и экономического влияния вместе с ранее неподвластными СССР Чехословакией, Венгрией, и другими восточноевропейскими государствами. Прибалтийские государства были снова включены в состав СССР, став «союзными республиками» Советского Союза. Галиция была отторгнута от Польши и включена в состав Советской Украины в составе СССР, а принадлежавшая до 1918 года Российской империи Бессарабия была отделена от Румынии, захватившей ее в годы Первой мировой войны, и превращена в «Молдавскую Советскую Социалистическую Республику» тоже в составе СССР. Кроме того, в состав Советского Союза была включена Тува, небольшое полунезависимое государство, расположенное между Монголией и СССР. Тогда же СССР вернул южную часть острова Сахалин, захваченную Японией в 1905 году после русско-японской войны, а также Курильские острова, которые по русско-японскому договору 1875 года признавались за Японией, но от прав на которые она была вынуждена отказаться по Сан-Францисскому миру 1951 года.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

рокомасштабной культивации земель в окрестностях Москвы. Ливен отмечает: «Поскольку русские вынуждены были жить далеко на севере в лесистой местности с неплодородными землями, они не могли увеличить численность своего населения или благосостояния настолько, чтобы можно было создать настоящую империю»³. В начале своей знаменитой книги «Россия при старом режиме» то же самое предположение высказывает и Пайпс⁴. Молодому российскому государству Московия приходилось довольствоваться сельскохозяйственным сезоном продолжительностью всего лишь 4–5 месяцев в году для того, чтобы взрастить и собрать урожай. Сельскохозяйственный сезон в евразийских степях к югу от Москвы длился 6 месяцев в году, и 8–9 месяцев в Западной Европе. Значит, если бы русские продолжали оставаться в окрестностях Москвы, то у России не было бы возможности производить достаточное количество сельскохозяйственной продукции для обеспечения экономического развития, роста населения и добиться, как конечной цели, превращения России в крупное европейское государство⁵.

Исторические записи свидетельствуют, что в XVI веке в Московии действительно были низкие урожаи и довольно малочисленное население по сравнению с ее европейскими соседями – от 6 до 12 миллионов человек⁶. Такое положение коренным образом изменилось, как только московские правители приступили к почти повсеместному захвату земель. К середине XVIII столетия стал наблюдаться быстрый рост численности населения. Она увеличилась почти вчетверо с 17–18 миллионов человек в 1750 году до 68 миллионов в 1850 году⁷. В XVII и XVIII столетиях, отвоевав территории у Швеции, Польши и Турции, Россия получила в свое распоряжение Черноземье. Это были обширные сельскохозяйственные угодья с плодородной почвой, простирающиеся по евразийской степи от современной Украины и далее к северному побережью Черного моря, занимающие Среднее и Нижнее Поволжье сегодняшней Российской Федерации вплоть до Уральских гор*. Захваченные территории были немедленно поделены и раздарены для освоения отличившимся генералам, дипломатам и семьям, близким к царскому двору. Часть земель была передана в надел монастырям. Российским крестьянам также было позволено заселять и обрабатывать их. К началу XX века около 18 миллионов человек (численность всего населения России в 1750 году) переехало туда в поисках пахотных земель. Российское правительство ежегодно

* Средние январские температуры в центре Черноземья колеблются в диапазоне от -2° в Одессе и Краснодаре до -6° в Ростове и -9° в Воронеже, что делает его несколько теплее, чем Москва (-10°).

стало выделять из бюджета крупные суммы для оказания поддержки переселенцам⁸.

Статистикой царских времен подтверждается факт, что такая массовая миграция в степные районы с плодородными почвами и продолжительным сельскохозяйственным сезоном придала импульс росту численности населения страны. Согласно официальным документам Российской империи, в период с 1809 по 1887 год посевные площади в России возросли на 60 процентов⁹. С 1858 по 1897 год численность населения в европейской части России почти удвоилась, увеличившись с 68 до 125 миллионов человек¹⁰. Несмотря на то, что урожаи зерновых в России оставались низкими, заселялись и возделывались все новые и новые земли, что, в свою очередь, позволяло содержать и кормить все большее количество людей. В 60-х годах XIX века темпы роста численности российского населения были особенно высоки в сельских местностях центральных губерний (древняя Московия) и на новых землях Черноземья¹¹. В центре Черноземья концентрация населения и количество крупных крестьянских хозяйств были выше, чем в остальных регионах России. Там же быстро росли многочисленные административные центры и города (Харьков, Воронеж, Курск и Саратов). В итоге присоединение новых земель за пределами Московии и последующее изменение в распределении населения России, судя по всему, позволили преодолеть первоначальные недостатки географии и неудачного расположения Москвы. Однако, к сожалению, на этом история не заканчивается. В конце XIX века жители России продолжали перемещаться. На сей раз они отправились на территории с более суровым климатом и с еще более бедными почвами, чем в древней Московии, – на Урал и в Сибирь.

«Изобилие пространства»

К 80-м годам XIX века целины в Черноземье почти не осталось, и растущему населению России стало не хватать свободных пахотных земель. Страна стремительно приближалась к ограничениям, предсказанным Томасом Мальтусом в его известном очерке 1798 года «Опыт о законе народонаселения»¹². Мальтус предвидел резкий рост численности населения во всем мире, который превысит возможности всех сельскохозяйственных угодий земли обеспечивать людей продовольствием. Он задал задачу европейским политическим мыслителям XIX столетия, изучавшим рост численности народонаселения и территориальные возможности. В течение полувека, предшествовавшего Первой мировой войне, большинство европейских стран были заняты поиском способов, которые позволили бы справиться с пер-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

спективой перенаселения. Те, кто не мог увеличить свою территорию путем аннексии или колонизации, надеялись справиться с этой проблемой путем регулирования роста численности своего населения и адаптации его под имеющиеся возможности. Набор альтернатив включал в себя поощрение эмиграции, увеличение производительности сельского хозяйства, а в некоторых случаях и популяризацию государственных образовательных программ по снижению рождаемости (что предлагал сам Мальтус). Между тем Германия, Великобритания, Бельгия и Нидерланды успешно опровергали так называемый «мальтузианский софизм» – тезис о том, что население обречено на перерасход ресурсов, – путем внедрения интенсивных сельскохозяйственных методик и ускоренной индустриализации. Другие европейские страны, такие как Австро-Венгрия, Италия и Ирландия, поощряли эмиграцию из своих перенаселенных городских регионов – главным образом в Северную Америку. В результате с 1870 по 1914 год эмигрировало почти 25 миллионов человек¹³.

У России, однако, был другой выход. Благодаря «изобилию пространства» у нее еще имелось много земли для освоения в рамках собственных границ¹⁴. Поэтому она открыла доступ к территориям, расположенным за пределами Черноземья – на Урале и в южной части Сибири, – разрешив заселять и обрабатывать их. Бескрайние евразийские степи были, по сути, российской собственной «Северной Америкой». Ричард Пайпс писал в работе «Русская революция»: «Российские граждане не мигрировали в другие страны». Вместо этого «они предпочитали колонизовать свою собственную страну»¹⁵. Это весьма примечательно, поскольку означало, что в XIX и начале XX столетия России удавалось избегать «мальтузианских ограничений», прибегая к территориальной экспансии. Ей не надо было сдерживать рост численности своего населения*.

Мальтус писал, что ростом численности населения движет доступ к земле и пище. Вот что он говорил о Северной Америке (хотя в этом контексте он мог бы свободно говорить и о России): «Повсеместно отмечалось, что в новых колониях, основанных в благодатных странах, где достаточно земель и пищи, численность населения постоянно и стремительно растет... Обширные плодородные земли, которые можно получить за гроши или вовсе бесплатно, настолько благоприятно сказываются на росте численности населения, что преодолевают все препятствия на его пути». Развивая эту мысль,

* России необходимо было преодолевать «мальтузианские ограничения» только из-за того, что в стране не увеличивалась производительность. Избавляться от избыточного населения приходилось только странам с плохо функционирующими экономиками.

Мальтус пишет, что, «когда акр за акром вся плодородная земля будет занята, ежегодный рост урожайности будет зависеть от окультуривания уже используемых земель... Но население, если его обеспечивать пищей, будет возрастать с неимоверной интенсивностью, и возрастание за один период придаст импульс еще большему возрастанию в последующий период, и так будет продолжаться бесконечно»¹⁶. По Мальтусу, страна, у которой слишком мало земель, могла бы оказаться со слишком многочисленным населением. Но в стране не может быть слишком много земель, особенно если они пригодны для обеспечения населения достаточным количеством продовольствия. В такой стране население продолжало бы расти, что и произошло в России. Бескрайность территории, несмотря на неплодородность ее почв, позволяла осваивать все новые и новые земли для компенсации их неполноценности. В результате такая территория позволяла обеспечивать содержание большего количества людей, хотя и при сравнительно низком уровне жизни и без получения больших излишков сельскохозяйственной продукции.

Наличие новых земель, действительно, избавляло российских землевладельцев от необходимости внедрения более интенсивной методики ведения сельского хозяйства для повышения его производительности. Ввиду того, что российские земли за пределами Черноземья не сулили богатых урожаев, там можно было обойтись и без интенсивного земледелия. Оно было не только сложным, но и дорогостоящим делом. В течение всего XIX столетия инвестиции в интенсивное земледелие существенной прибыли не приносили¹⁷. Считалось, что дешевле, проще и предпочтительнее позволять российским крестьянам переезжать на новые земли, чем поощрять их вкладывать свои средства в старые земли и их культивацию. Поэтому из-за избытка земель для российского земледелия, а позднее и для советской промышленности стало характерным экстенсивное развитие. Когда почва в одном месте истощалась или пик производительности там был пройден, всегда можно было перебраться куда-нибудь еще. Небольшим европейским странам, таким как Бельгия и Нидерланды, никогда так «крупно не везло» в части безбрежных просторов.

Ничейная земля (*terra nullius*) и императив постоянного поселения

Поиск альтернативы неплодородным почвам Московии и увеличение площади пахотных земель не были единственными причинами миграции населения по территории России. Во времена Империи и до Первой мировой войны понятия территориального обладания и

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

престижа были столь же значимыми, как география и фантом мальтузианского перенаселения. Обладать землями – особенно такими бескрайними, как российские, означало *заселить* их. Начиная с XVIII и до начала XX столетия земли с малочисленным населением или населенные только туземными охотниками рассматривались как *пустая земля*, или *terra nullius* – *ничейная земля*. Это означало, что ее могла завоевать и колонизировать любая европейская великая держава. Одним из наиболее известных случаев судебного разбирательства по делу о *terra nullius* было прошение (примерно в 1770 году) Британской империи о признании законности ее притязания на суверенитет и владение Австралией. Британское правительство объявило Австралию «практически незаселенной», признавая, однако, за аборигенами право на владение страной в рамках подконтрольных Британии территорий. В течение последующих двух столетий британские и другие европейские колонисты тоже использовали концепцию ничейных земель, оправдывая насильственное вытеснение коренного австралийского населения с целью проложить себе путь для активной сельскохозяйственной деятельности и разработок месторождений. Понятие *terra nullius* продержалось в австралийском земельном законодательстве до 1992 года¹⁸.

Та же самая идея *terra nullius*, которая способствовала колонизации Австралии в XVIII–XX веках, определяла подход русских царей и других европейских монархов к своим территориям в XVIII столетии. Концепция *terra nullius* имела двойственное, но взаимосвязанное толкование. В первом толковании она распространялась на любые земли любой площади, которые не контролировались ни одним из признанных европейских государств¹⁹. Это относилось к большей части евразийского массива земель до тех пор, пока на них не предъявила своих прав Российская империя. Во втором своем значении она имела отношение к территории, на которой не было земель, принадлежащих кому-либо, кто владел бы ими на законном основании. При этом подразумевалось, что для того, чтобы те или иные государства имели право установить свой суверенитет над такими землями и удерживать других от попыток завладеть ею, там должны постоянно проживать и работать на эти государства люди²⁰. Второе значение этого понятия стало главным камнем преткновения в спорах между аборигенами и британскими и европейскими поселенцами в Австралии. Аборигены, подобно коренным жителям Северной Америки, Африки и Евразии, не основывали постоянных сельскохозяйственных поселений на своих исконных землях. Хотя они, естественно, использовали землю и кормились от нее, они вели преимущественно кочевой образ жизни на своих обширных территориях. Европейцы считали все это равнозначным физическому от-

казу от земли или, по меньшей мере, потере связи с землей. Поэтому, по мере того как Российская империя продвигалась все дальше в глубь Евразии, ее правители в спешном порядке возводили там сторожевые заставы и строили города, призывая крестьян возделывать земли на вновь захваченных территориях. Таким способом они обозначали владение землей, демонстрировали постоянство заселения и использования новых земель, обеспечивая суверенитет российского государства над всей его необъятной территорией.

Территория и престиж великой державы

Как уже упоминалось в главе 2, обладание новыми землями в значительной степени способствовало росту престижа и влияния на международной арене. К 1900 году захват новых территорий в экономических и политических целях стал объектом взаимоотношений между государствами. Статус европейской страны как великой державы напрямую зависел исключительно от ее способности обладать колониями. Большинство европейских государств завоевание земель считало «обязанностью», обязанностью великой державы²¹. В имперском мышлении превалировали идеи о том, что все ничейные территории и малые государства следовало бы в конечном счете причислить к более крупным империям с тем, чтобы оставалось только небольшое количество независимых держав. Именно эти независимые державы, империи, или великие державы, и будут определять ход мировых событий. И в самом деле, немецкий обозреватель Отто Хинтце (Otto Hintze) в 1907 году писал: «Борьба за статус великой державы является истинной сутью империалистического движения в современном мире. Дело уже не в том, как это бывало в прежние времена, чтобы в мире доминировала одна держава. Дело в том, чтобы были отобраны нации, которые примут на себя роль лидеров в решении мировых проблем»²². Россия ни в коем случае не была малым государством. Она страстно желала стать лидером в международных делах и оставаться великой державой. Размеры территории в значительной степени ассоциировалась с идеей о «величии» России, и российские правители продолжали ее увеличивать²³.

Крупнейшим из всех этих территориальных приобретений стала Сибирь, подлинная сокровищница полезных ископаемых и природных ресурсов, но также и наименее населенная и наиболее сложная территория в плане прав на обладание ею Россией в имперском смысле. Сибирь была подлинной *terra nullius*, когда российское государство впервые обратило туда свой взор. Это были не нанесенные

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

на карту земли, населенные малочисленными местными охотниками и кочевниками, которые питались от земли, но не «пользовались» ею по европейским понятиям, превалировавшим до 1900 года²⁴. Это был уязвимый момент, так как земли могли посчитаться «незанятыми», и российскому государству во что бы то ни стало необходимо было там прочно укорениться. Вначале цари не предпринимали попыток основательного заселения Сибири: их инициатива ограничивалась частичной эксплуатацией ее ресурсов. Однако с появлением в XIX веке новых империалистических требований к четкому обозначению обладания территорией их подход изменился.

Заселение Сибири является главным фактором возникновения и эволюции современных проблем России, связанных с *размером территории* и *холодом*, что будет подробно рассмотрено в следующей главе. Развитие Сибири доказывает, что география страны – не обязательно определяет ее «судьбу». Эта огромная территория была осознанно, иногда в принудительном порядке, заселена. В советский период централизованное планирование сознательно проводило политику размещения людей, городов и промышленности на просторах Сибири и на прилегающих к ней территориях – на Урале и Дальнем Востоке.

Создание городов в Сибири в советский период – это отдельный важный вопрос. Цари довольствовались символическим контролем над гигантской территорией Сибири в течении ее завоевания, – вытесняя туда избыточное население из городских регионов Европейской России и основывая ряд малых городов и постоянных поселений между Уральскими горами и Тихим океаном. Монархия не стремилась к широкомасштабному освоению или урбанизации этого региона. Да у нее, несомненно, не хватило бы ресурсов, даже если бы она и попытались взяться за это. Фактически урбанизация в России – скорее советский нежели дореволюционный феномен. Размещение и концентрация людей и экономической деятельности в конкретных городах *по всей* российской территории стало возможным *только* в Советском Союзе, когда правительство смогло выделить ресурсы, необходимые для «комплектования» этих городов людьми посредством центрального планирования²⁵.

Урбанизация в России

Отсутствие сельскохозяйственных излишков, необходимых для материального обеспечения городской жизни, крепостничество, разбросанность городского населения и увеличение расстояний между поселениями по мере расширения российской территории

Глава 4. География – выбор

существенно замедляли развитие административных центров и городов империи. Вплоть до XVIII столетия в городах проживало лишь 3–4 процента жителей России. Статус поселениям присваивался по ряду различных признаков: четких критериев не было, и многие «городские» центры едва ли заслуживали такого названия. Это были зачастую более или менее крупные сельские поселения, теснее связанные с сельским хозяйством, нежели со сферами промышленности и услуг²⁶. Большинство жителей российских городов были землевладельцами и крестьянами, которые сами обеспечивали себя продуктами питания²⁷. Города в царское время должны были быть самодостаточными в обеспечении сельскохозяйственными продуктами со своих собственных пригородных сельскохозяйственных угодий, так как рассчитывать на поставки продовольствия извне было бесполезно. Потому их жители были зачастую не постоянными обитателями, а временными мигрантами, постоянно переезжавшими из города в сельскую местность и обратно в поисках средств к существованию. В 1914 году, например, на долю крестьян, сохранивших связь со своими родными деревнями, приходилось 70 процентов населения Санкт-Петербурга²⁸. Рост численности населения в российских городах начался только после отмены в 1861 году крепостного права, освободившей людей от узаконенной привязки к землевладельцу и определенным участкам землепользования²⁹. В таблице 4-1 приводится список крупнейших городов Российской империи в 60-х годах XIX века.

Таблица 4-1. Главные города Российской империи, 1860-е годы

Ранг	Город	Численность населения	Страна местонахождения в настоящее время
1	Санкт-Петербург	539 000	Россия
2	Москва	399 000	Россия
3	Одесса	121 000	Украина
4	Кишинев	104 000	Молдавия
5	Рига	98 000	Латвия
6	Саратов	93 000	Россия
7	Ташкент	80 000	Узбекистан
8	Вильно (Вильнюс)	79 000	Литва
9	Казань	79 000	Россия
10	Киев	71 000	Украина

Источник: *Chauncy Harris. Cities of the Soviet Union: Studies in Their Function, Size, Density, and Growth. Chicago: Rand McNally, 1970.*

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

Другие крупные городские поселения России были расположены неподалеку от Москвы и бассейна Верхней Волги (Кострома и Ярославль), а также вдоль Днепра и Дона, на территории современной Украины и на Юге России: регионы Екатеринослава (Днепропетровск), Луганска, Новочеркасска и Воронежа. Ни один из этих городов не был расположен ни на Урале, ни в Сибири. К тому же, как показывает таблица 4-1, из десяти крупнейших в те времена городов Российской империи шесть находятся фактически *за пределами* современной Российской Федерации, а именно к западу и югу от нее.

После отмены крепостного права реальным стимулом урбанизации стало начало индустриализации в России в 1880–1890-х годах. Иностранный капитал и предприниматели, торговцы и финансисты заполнили российские города, увеличив долю городского населения примерно до 18 процентов к 1914 году³⁰. Большинство наиболее динамично развивавшихся до 1914 года городов, за исключением Санкт-Петербурга и Москвы, сегодня находятся за пределами территории России (Рига, Киев, Одесса, Днепропетровск и Баку). Рост городов в Российской империи достиг своего пика в период между 1914 и 1916 годами, во время Первой мировой войны. Шесть миллионов крестьян, военных беженцев, рабочих и военных перебрались в российские города на заре революции, увеличив число горожан до 28 миллионов человек³¹. Ричард Пайпс отмечает, что эта тенденция почти полностью изменилась на противоположную во время Октябрьской революции и последующей Гражданской войны, когда российские города опустели из-за голода и бегства их жителей в сельскую местность. В период между 1917 и 1920 годами почти пять миллионов человек покинули российские города. Петроград потерял две трети своих жителей, Москва потеряла почти половину³². После того как большевики упрочили свою власть, им пришлось поворачивать вспять массовое бегство из городов и восстанавливать численность населения Санкт-Петербурга и Москвы, а равно и других главных городов, в чем они, конечно, преуспели. К 1989 году, времени проведения последней советской переписи населения, доля горожан в РСФСР возросла до 74 процентов населения³³.

Урбанизация стала одной из основных задач коммунистического правительства. В 1917 году большевики осуществили пролетарскую революцию, ориентированную, по их замыслам, на горожан в стране, где преобладало сельское население. Крестьяне составляли 80 процентов населения, и горожане поддерживали прочные связи с сельской местностью. Сразу же после революции, в целях которой большевики использовали тягу крестьянства к земле, чтобы поднять его против режима, они решили от него (крестьянства) избавиться. Новая власть планировала, если потребует, насильно со-

Глава 4. География – выбор

здать «настоящий» городской пролетариат. Для раннего периода существования большевистского государства была характерна настоящая война города с селом, проводившаяся государством под лозунгами индустриализации и урбанизации. Война в конечном счете была выиграна Сталиным в 1930 году, когда российское сельское население было коллективизировано в огромные колхозы.

С середины 1920-х годов и вплоть до начала Великой Отечественной войны численность городского населения России росла ошеломляющими темпами – 6,2 процента в год³⁴. Таких темпов роста в России еще не было. Это одна из самых быстрых урбанизаций в мировой истории, прогрессирующая за счет массовой миграции жителей сельскохозяйственных регионов в города. Она была оформлена директивами советского правительства о важности переселения в города и целенаправленным курсом на ускоренную индустриализацию. Она также осуществлялась путем беспрецедентного расширения системы исправительных лагерей как средства освоения «диких» территорий (об этом в следующей главе). Но при всей неуклонной и беспрецедентной настойчивости правительства в его стремлении во что бы то ни стало увеличить количество и размеры городов, игнорирование рыночных законов привело к тому, что некоторые из наиболее жизнеспособных городских регионов Российской империи были обречены на быструю деградацию.

Американский экономический географ Чанси Харрис (Chauncey Harris) отмечал, что многие из крупных и быстрорастущих городов царской России перестали быть таковыми в Советском Союзе к 60-м годам прошлого века. В качестве основного примера он приводит Одессу:

«Черноморский порт Одесса был третьим крупнейшим городом Российской империи в течение последних пятидесяти лет монархии в России. Согласно различным подсчетам, численность ее населения возросла со 121 000 в 1867 году до 631 000, 550 000 или 500 000 человек накануне Первой мировой войны. В самом деле, из всех крупных городов Европейской России у Одессы был самый высокий, согласно Рашину, уровень прироста численности населения за период 1811–1914 годов, когда численность жителей там возросла в 45 раз (с 11 тысяч до 500 тысяч человек)»³⁵.

Как отмечает Харрис, Одесса не была административным центром провинции (губернии). Ее быстрый рост можно было бы приписать исключительно рыночным экономическим факторам, и более всего ее положению на Черном море. Одесса «росла вместе с бурным развитием торговли зерном из украинской глубинки, вызванным увеличением производства зерна в российском Черноземье, строительством железных дорог, по которым можно было с

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

минимальными затратами транспортировать зерно в экспортные порты, развитием способов доставки насыпных грузов морским путем и ростом спроса на рынках Западной Европы»³⁶. После революции приоритеты были переориентированы на развитие внутренних регионов Украины и иных территорий СССР. Централизованное планирование и акцент на экономическое самообеспечение советского государства привело к тому, что Одесса потеряла значение одного из главных торговых портов, связывавших Россию с Европой. Численность населения уменьшилась, и хотя позднее ее рост возобновился, Одесса так и не достигла своего дореволюционного статуса. В течение всего лишь нескольких десятилетий она из самого бы-

Таблица 4-2. Рост российских городов на Урале и к востоку от него, 1897–1989 годы

(в порядке убывания численности населения на 1989 год; тыс. чел.)

Город	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989
Новосибирск	8	120	404	885	1161	1312	1392
Екатеринбург	43	140	423	779	1025	1211	1298
Омск	37	162	289	581	821	1014	1148
Челябинск	20	59	273	689	875	1030	1107
Уфа	49	99	258	547	780	987	1078
Пермь	45	121	306	629	850	999	1040
Красноярск	27	72	190	412	648	796	870
Барнаул	21	74	148	303	439	535	602
Хабаровск	15	52	207	323	436	528	601
Новокузнецк	3	4	166	382	496	541	581
Иркутск	51	108	250	366	451	550	577
Кемерово	*	22	137	289	374	462	511
Томск	52	92	145	249	338	421	473
Улан-Удэ	8	29	126	174	254	300	353
Чита	12	64	121	172	241	303	323
Комсомольск-на-Амуре	*	*	71	177	218	264	315
Братск	*	*	*	43	155	214	256
Якутск	7	11	53	74	108	152	187
Норильск	*	*	14	118	135	180	175

Источники: Население России за 100 лет (1897–1997): Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 1998. С. 58–63; Города России: Энциклопедия / Под ред. Г. М. Лаппо. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. Избр. статьи.

* В месте, где этот город сегодня находится, либо вообще не было поселений (например, Норильск до 1921 года, Братск до 1955 года), либо было только небольшое поселение с менее чем 3000 жителей.

Глава 4. География – выбор

строрастущего коммерческого центра России превратилась в город с самыми низкими из всех крупных советских городов темпами прироста численности жителей³⁷.

До разорения, принесенного Второй мировой войной, западная часть России и Украина являлись главными районами роста городов³⁸. Вторая мировая война, как и предшествовавшая ей Гражданская война, оказала разрушительное воздействие на развитие городов. Свыше 1700 административных центров были разрушены; серьезный ущерб был нанесен другим главным городским центрам все в той же европейской части России и на Украине³⁹. В конце войны, в 1945 году, советское планирование в области градостроительства переключило свое внимание на Поволжье, Урал и Сибирь⁴⁰. Начиная с 1950 года города на Урале и к востоку от него превратились в очаги быстрого роста численности населения и промышленности. Многие сибирские города впервые стали крупными городскими центрами. Это были те самые города, чей рост завершился к 1970-м годам и которые, как показано в таблице 3-3, как раз стали главными «виновниками» понижения российской ТДН в советский период. Таблица 4-2 снова обращает внимание на города, перечисленные в таблице 3-3, чтобы показать, как и когда из небольших поселений и имперских сторожевых застав они превратились в города с населением в несколько сотен тысяч человек и более.

Результаты этой деятельности по строительству гигантских городов восточнее Урала – с последующим переселением туда советских людей – и обусловили возникновение одной из самых больших проблем, с которыми сталкивается Россия сегодня. Хотя и в царские времена допускались некоторые ошибки в планировании административных центров и городов, их масштабность не шла ни в какое сравнение с теми *монументальными* ошибками, которые сопровождали освоение Сибири при советском режиме.